
“Большая игра” Михаила Леонтьева, помещённая в майском номере журнала, открыла серию публикаций об исторических корнях русофобии. Тема актуальная для “Нашего современника”, двадцать лет назад напечатанного знаменитую работу академика Игоря Шафаревича “Русофобия”. Публикуемая ниже статья доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН Вардана Багдасаряна продолжает начатый разговор. В следующем номере редакция планирует познакомить читателей и с работой нашего таллинского автора Владимира Илляшевича “Русский мир и межкультурные пространства”.

ВАРДАН БАГДАСАРЯН

доктор исторических наук

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Историографические стереотипы и современные параллели

Одним из распространённых стереотипов, навязываемых либеральными СМИ, является тезис о том, что Запад не представляет потенциальной угрозы для безопасности России. Курс на свёртывание ВПК обосновывался тем, что на Россию, мол, никто не собирается нападать. Но отсутствие прямой агрессии в течение ряда последних десятилетий не означает, что она не возможна в перспективе. Мощный советский ВПК как раз и являлся фактором, сдерживающим зарубежную экспансию. Дж. Тойнби, будучи сам представителем западной культуры, однозначно отводил Западу роль агрессора во взаимоотношениях с Россией. Причём если агрессия против СССР обосновывалась спецификой коммунистической идеологии, то при рассмотрении западной экспансии против России имперской данный аргумент теряет силу.

Исторический опыт Крымской войны ценен для иллюстрации истинных целей и отношения Запада к России. Война носила общеевропейский характер, нередко её именуют “предмировой”. Она показательна тем, что ни в каких иных конфликтах европейское единство не обнаруживалось с такой очевидностью. То была война цивилизаций, выступление Европы против России.

Многозначительны исторические параллели. Как теперь за фасадом западных сил выступают США, так и в середине XIX в. за созданием антироссийской коалиции просматривались прежде всего усилия английской дипломатии. Как в политике современной Германии ощутимы реваншистские амбиции, так и деятельность Наполеона III мотивировалась стремлением взять реванш за национальное унижение 1812–1814 гг. Как в настоящее время и второстепенные в политическом отношении страны Запада, наподобие Швейцарии, демонстрируют антироссийские настроения, так в Крымскую войну даже Сардинское королевство посчитало целесообразным принять участие в конфликте. Отметим, кстати: все 15 тыс. сардинцев, отправленных в Крым, не вернулись обратно в Италию.

Как ныне актуализируется фактор измены бывших псевдосоюзников, первоначально в лице государств Варшавского договора, а теперь – в перспективе – и Украины, так и в 1853 г. австрийское предательство стало, пожалуй,

самым большим потрясением для Николая I. Кроме того, балканские прозелиты России, из-за которых она, по большому счёту, и вступила в войну, какого бы то ни было содействия ей не оказали. Напротив, русская дипломатия встретила многочисленные препятствия со стороны греческого духовенства в арабской части Османской империи. Таким образом, был сорван план привлечь на сторону России часть арабского населения в целях создания в Турции внутреннего фронта. Константинопольский патриарх являлся одним из главных противников распространения русского влияния в Османской империи. В частности, им была враждебно встречена идея русской духовной миссии в Иерусалиме.

Как в девятнадцатом, так и в начале двадцать первого века в антирусской политике разыгрывалась мусульманская карта. Внешний соперник в лице Турции дополнялся внутренним – сепаратистами имамата Шамиля. Показательно, что английские либералы оказывали моральную и материальную поддержку шамилевскому теократическому полурабовладельческому государству. Так же, как в настоящее время западные демократы и северокавказские террористы выступали в одной упряжке.

Причём сравнительный анализ боевых операций различных частей русской армии – крымской и кавказской – показывает: последняя действовала значительно эффективнее. Историками высказано предположение, что если бы под Севастополь была направлена кавказская армия, исход войны мог быть другим. Но в Крым отправляли отборные войска мирного времени, умевшие с блеском проводить парады, но не подготовленные к боевым действиям. Та же самая кадровая проблема обнаруживалась в первой чеченской войне, продемонстрировав принципиальное различие между армией тыла и армией, имеющей боевой опыт.

Впоследствии для обоснования антирусского единства западного мира в Крымской войне в широкий оборот была введена трактовка России как “жандарма Европы”. Таким же образом и в настоящее время прозападные СМИ оправдывают курс расширения НАТО на Восток “имперскими амбициями” России. Подавление Венгерской революции в 1849 г. было, пожалуй, единственным случаем, укладывающимся в представление о жандармской политике. Но единичный характер такого рода действий более корректно трактовать как исключение, нежели в качестве политического курса. Впервые данную дефиницию апробировал отнюдь не К. Маркс, как считается традиционно, а прусские генералы. Они использовали её не в связи с венгерским походом, а с Ольнюцким решением Николая I, вставшего на сторону Австрии против Пруссии. Подавление Паскевичем выступления венгров не только не вызвало противодействия со стороны официальных кругов Запада, а встретило активную поддержку ведущих дипломатов и государственных деятелей. Английский банковский дом представил России специальный заём на осуществление данной операции.

Таким образом, не в “русской угрозе”, а в амбициях самого Запада заключались мотивы войны. Даже американский историк Б. Елавич констатировал, что после наполеоновских войн Россия была единственной страной Европы, не имеющей претензий ни к одному из своих соседей. Об этом она декларировала в ряде договоров 1820-х гг. Не России, а ведущим западно-европейским странам, прежде всего Англии, необходимо было разрушение сложившейся системы международных отношений.

Ещё одна историческая параллель касается позиции российской интеллигенции. Как в разгар Крымской кампании, так и Чеченской, в её среде обнаруживались странные симпатии к врагам отечества. Олицетворявшего данные умонастроения А. И. Герцена, который активно пропагандировал поражение самодержавия в войне, можно оценивать как предтечу ряда журналистов современных российских СМИ.

О подлинных планах Николая I в восточном вопросе свидетельствуют следующие его рассуждения: “Все христианские области Турции по необходимости станут независимыми, вновь станут тем, чем были, княжествами, христианскими государствами и, как таковые, вернутся в семью христианских стран в Европе. Гарантию свободного отправления религии, их организации, их отношений между собой и с соседями – всё это следует урегулировать на чрезвычайном конгрессе, предположительно в Берлине”. Как видно, ни о каких территориальных приращениях России речи не шло. Но британские государ-

ственные деятели преподносили конфиденциальные речи императора совершенно иначе – в качестве плана уничтожения независимости Турции, низведения её до уровня вассала.

Англия усматривала в развитии Черноморского флота вызов своей морской гегемонии. Занятие русскими войсками Дунайских княжеств означало для Британии уничтожение альтернативного рынка зерна, после чего Петербург мог диктовать на него цены. Экономическое значение Турции для Англии определялось также ростом её роли как рынка сбыта английской обрабатывающей промышленности. Вследствие крайне низких таможенных ставок Порты ежегодно закупала больше английской промышленной продукции, чем протекционистски ориентированная Россия. Разгром Турции грозил для Англии также потерей единственного не зависящего от России сухопутного пути торговли с Персией, а следовательно, и с Индией.

Реваншистские настроения французского общества, жаждавшего отмщения России за её торжество над Францией в кампании 1812–1814 гг., также явились важным фактором эскалации международной напряжённости. Цель, преследуемая Наполеоном III, заключалась в отвлечении французов от революции эффектом победоносной войны. Успех могло гарантировать только совместное с Англией выступление. Учитывая заинтересованность англичан в восточном вопросе, цель определялась однозначно – Россия.

Реванш за поражение в 1812 году мог быть полным только при условии повторения маршрута Наполеона I. Основной театр боевых действий предполагалось перенести на территорию Царства Польского. Наполеон III сам намеревался встать во главе союзной армии. Но для реализации данного сценария требовалось вступление в войну Австрии или Пруссии (их территория была необходима в качестве плацдарма). Впрочем, Великобритания блокировала всяческие попытки повторения сценария 1812 года...

...Систему международных отношений, построенных на началах христианской эпохи, Николай I видел в Священном Союзе. По словам одного из иностранных авторов, «политика законности Священного Союза была религией императора. Конституционная система представлялась ему ересью, полной лжи и обмана: либо скрытой республикой, либо деспотизмом под маской». Дореволюционные историки оправдывали внешнеполитические ошибки Николая I рыцарским стилем ведения международных дел. «Меня, – говорил император И. Ф. Паскевичу, – всякий обмануть может раз, но зато после обмана я уже никогда не возвращаю утерянного доверия». В действительности за ширмой союза имели место неразрешимые противоречия. Австрия видела в России препятствие для проведения своих интересов на Балканах, Пруссия – помеху для реализации плана объединения Германии.

Роковую для России роль сыграла Австрия. Цель австрийской дипломатии обнаружилась в намерении столкнуть Россию с её оппонентами, ослабить обе стороны в войне и воспользоваться её результатами в своих интересах при любом возможном исходе. Не исключалось и выступление Вены на стороне вероятного победителя.

Уже в ходе войны предпринимались попытки расширения антирусской коалиции. Слеплённая кажущимся могуществом Наполеона III Испания обещала предоставить в распоряжение союзников вспомогательный корпус. Французская дипломатия лоббировала вхождение в войну Дании. Питавший надежды на возвращение Финляндии шведский король Оскар I объявлял о готовности выставить против России 60-тысячную армию. Уже разрабатывались конкретные операции в Балтийском море.

Активным сторонником вступления Пруссии в войну против России являлся наследник прусского престола, будущий кайзер Вильгельм Прусский. Из других германских государств склонялись к вступлению в антирусскую коалицию Ганновер и Гессен...

В интерпретации западной историографии главным свидетельством «агрессивных намерений» Николая I в отношении Османской империи являлась его беседа с лордом Г. Сеймуром о «большом человеке Турции». В действительности, этот пресловутый разговор носил приватный характер. К тому же западные историки и политики исказили его содержание. Николай I, основываясь на констатации болезненного состояния Турции, вёл речь не о её разделе, а о совместной русско-английской защите Порты от возможных аннексий со стороны Франции.

В соответствии с накопленными фактами требуют исторической переоценки цели турецкой миссии А. С. Меншикова. Искажение её задач в западной дипломатии доходило до откровенной фальсификации. Так, английский посол Ч. Редклифф при переводе в донесениях в Лондон текста проекта русско-турецкой конвенции вместо слов “делать представления” (перед османскими властями) написал “давать приказы”. Последние требования А. С. Меншикова во время константинопольских переговоров сводились лишь к сохранению “на основе строгого статус-кво” прав и привилегий православной церкви в Османской империи. Достаточно было тривиального заверения Порты в дипломатической ноте. Но даже на столь умеренные запросы русская сторона получила отказ. Была разыграна карта Ч. Редклиффа, стремившегося превратить двусторонние русско-турецкие отношения в международные. Таким образом, подлинную угрозу суверенитету Турции представляли не русские претензии о соблюдении прав православных, а англо-французские проекты взять земли Османской империи под коллективный протекторат.

Некорректно также утверждать, что после константинопольской миссии А. С. Меншикова война стала неизбежна. Насчитывается двенадцать проектов и инициатив урегулирования назревающего конфликта (наибольшую известность из которых получила так называемая венская нота). Причём Петербург в целях достижения консенсуса шёл на компромисс с частичным ущемлением своих интересов. Но усилиями английской и французской дипломатии все планы мирного урегулирования оказались сорваны. Историографический акцент на миссии А. С. Меншикова, при гораздо меньшем внимании к иным дипломатическим перипетиям, приводил к тенденциозным обвинениям России как зачинщика конфликта.

А. С. Меншиков вёз в Константинополь пакет мирных инициатив. Предложения князя Порте, вопреки утверждениям западной печати, отнюдь не носили ультимативного характера и не включали заведомо неприемлемых условий. Напротив, вносился проект оборонительного союза, а также ряд договорных обязательств, предусматривавших активное русско-турецкое экономическое и культурное сотрудничество. Но тайная дипломатическая игра английской и французской миссий сорвала подписание этих судьбоносных документов...

Как правило, советские историки акцентировали внимание на проявивших себя в Крымскую кампанию пороках российской военно-феодальной системы. Но при сравнении с союзническими армиями обнаружилось бы, что аналогичные проблемы существовали и в войсках передовых европейских государств. Союзнические армии во время войны столкнулись с массовым дезертирством. Из британских войск дезертировали 25%, французских – 10% солдат. У английского солдата был несравненно более калорийный пищевой рацион, чем у русского. Но и он подвергался сильной муштре. Пьянство британской армии имело повальный характер. По оценке одного из английских историков: “Привычка солдат к пьянству воспринималась общественностью как профессиональная болезнь”. Процветал средневековый обычай покупки офицерских должностей. Стоимость места в элитных частях равнялась целому состоянию. Зато офицеры могли неделями не появляться в подведомственных частях.

Стереотипом стало указание на то, что русскому парусному флоту противостояли парходы союзников. Данные по диспозиции Балтийского и Черноморского флотов в годы Крымской войны свидетельствуют, что на вооружении России имелись и паровые суда. На рейде в Чёрном море находилось 4 паровых фрегата и 10 парашходов, в Балтийском – 27 парашходов.

Ссылка на превосходство союзнических армий по качеству ружей, как главный фактор русского поражения, пошла от реляций А. С. Меншикова, пытавшегося ссылкой на “объективные факторы” оправдать собственные просчёты. В действительности уже в ходе войны старые русские мушкеты были в основной массе переделаны в штуцера. “Современные” британские ружья регулярно отказывали при дождливой и морозной погоде. А поскольку подобные климатические условия были довольно часты, то технические преимущества английского вооружения сводились на нет.

Отнюдь не во всех аспектах вооружения и подготовки русская армия уступала противникам. В частности, апробированные в Крымскую кампанию русские гальванические мины академика Б. С. Якоби были более совершенными, чем западноевропейские образцы. Мины иностранного поставщика

русской армии Нобеля принципиально уступали русским образцам в поражающем действии. В 1855 г. на вооружение севастопольского гарнизона поступила первая партия револьверов системы “кольт” производства Тульского завода. Правда, её хватило лишь для оснащения незначительной части офицерского состава. В самом преддверии войны великий князь Константин Николаевич развернул программу реорганизации парусного флота в паровой. России не хватило всего нескольких лет для перевооружения. Таким образом, крепостная система не являлась непреодолимым препятствием к модернизации. В отдельных областях военного дела крепостная Россия была вполне конкурентоспособна в сравнении с капиталистическими государствами Запада.

На случай наихудшего сценария развития событий у русских царей имелось старое средство – обращение с призывом о создании народного ополчения. Несмотря на кажущуюся неэффективность мобилизационной системы России, она позволила призвать в армию за период Крымской войны 1 млн 45 тыс. рекрутов и ратников, не исчерпав всего ресурса. В то же время существенные проблемы с мобилизацией испытывали Англия и Франция. Англичане были вынуждены пойти на рискованные меры, ослабив гарнизоны Мальты и Гибралтара.

До конца своих дней Николай I требовал наступления и ожидал близких побед. Судя по его высказываниям, он ни при каких условиях не принял бы мир в качестве проигравшей стороны. В намерения Николая I входило обратиться к народу с воззванием и провозгласить **Отечественную войну**. Жесткость и требовательность Николая I мобилизовали армию, а либеральный стиль его преемника действовал разлагающе. Александр II, придя к власти, в отличие от отца, предпочёл поражение тернистому пути борьбы.

Удивительной на первый взгляд может показаться позиция российской интеллигенции, сочувствовавшей национальным противникам России. В Крымскую войну вся общественность аплодировала военным успехам антирусской коалиции. Н. Г. Чернышевский был весьма недоволен Парижским миром, полагая, что унижение России и гекатомбы жертв недостаточны.

Даже С. М. Соловьёв, отстаивавший впоследствии в своих трудах идею о движущей силе государственного начала в русской истории, признавался, что совместно с единомышленниками желал поражения николаевского государства в Крымской войне. В диссонанс с курсом лекций звучат слова воспоминаний историка: “В то самое время, как стал грохотать гром над головою нового Навуходоносора, когда Россия стала терпеть непривычный позор военных неудач, когда враги явились под Севастополем, мы находились в тяжком положении: с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России, с другой, мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение; мы были убеждены, что успех войны затянул бы ещё крепче наши узы, окончательно утвердил бы казарменную систему; мы терзались известиями о неудачах, зная, что известия противоположные приводили бы нас в трепет”. Историческое значение войны для России С. М. Соловьёв видел в преодолении чувства нарциссизма, порождённого чередой предшествующих побед. Пораженческие и антиниколаевские настроения публики в Крымскую войну дирижировались, естественно, из Лондона усилиями А. И. Герцена. Он верил, что военный провал царизма станет началом крупных общественных преобразований, в идеале – народной революции. А. И. Герцен и пытался выступить её застрельщиком, взывая к новой пугачёвщине.

А. И. Герцен, как никто другой из западников, испытывал персональную неприязнь к Николаю I. Его смерть он воспринял с нескрываемой радостью – “бельмо снято с глаз человечества”. Герценовский некролог звучал приговором царствованию ушедшего из жизни императора: “Разбитый, обкраденный, обманутый, одураченный шеф Павловского полка отошёл в вечность”.

Если старшее поколение либералов-западников, опасаясь победы самодержавия, всё-таки переживало за отечество, то среди молодого поколения революционеров-разночинцев преобладающим чувством было злорадство, переходящее в цинизм. Н. В. Шелгунов свидетельствовал: “Когда в Петербурге сделалось известным, что нас разбили под Чёрной, я встретил Пекарского. Тогда он ещё не был академиком. Пекарский шёл, опустив голову, выглядывая исподлобья и с подавленным и с худо скрытым довольством; вообще, он имел вид заговорщика, уверенного в успехе, но в глазах его свети-

лась худо скрытая радость. Заметив меня, Пекарский зашагал крупнее, пожал мне руку и шепнул таинственно в самое ухо: “Нас разбили!”.

Те же чувства испытывал при получении сообщений о взятии Севастополя Н. А. Добролюбов: “Севастополь взят, эта весть никого почти не поразила, потому что давно была ожидана. Все как будто перевели дух после долгого ожидания и сказали: ну, наконец-то... Взяти же таки!..” Единственное недоумение молодого студента вызывал вопрос, почему до сих пор просвещённая Европа сносила Николая I, заслонявшего ей дорогу к совершенствованию и старавшегося погрузить в мракобесие.

Парадигма прогрессивного поражения в общественном сознании была преодолена лишь через семь лет после подписания Парижского мира. Поддержка Европой Польского восстания открыла русской общественности глаза, что и в Крымской кампании та воевала не с николаевским режимом, а с Россией как таковой.

Выявляя причины поражения России, видный российский дореволюционный военный историк Н. Ф. Дубровин сформулировал в своё время концепт “удара в спину”. В качестве внутренних врагов, чья деятельность негативно сказалась в ходе Крымской войны, он называл поляков, крымских татар и революционеров. Н. Ф. Дубровин писал о сознательной работе представителей революционной эмиграции в целях деморализовать и пошатнуть дисциплину в русской армии. Польский фактор сказался в измене офицеров-поляков, находящихся на русской службе. В частности, одной из главных причин поражения в битве при Альме стала измена польского подполковника Залесского, приказавшего свести войска с возвышенности в низину, что ставило их в заведомо невыгодное положение. Переход офицеров и солдат поляков к неприятелю в период Крымской войны носил массовый характер. В свою очередь крымские татары связывали с экспансией союзников, и прежде всего единоверцев турок, надежды на восстановление независимости. К русским они относились подчёркнуто враждебно. Предвидя вероятность татарской измены, власти предприняли ряд превентивных мер, запретив, в частности, им ходить с подводами далее Перекопа. Содействие крымчаков союзникам стало спасением для вражеской армии в решающей фазе крымского противостояния.

Отношение западной общественности к России в Крымской войне определялось позицией прессы. Сложилось целое направление антироссийской памфлетистики. Характерными её инсинуациями являлись сообщения о зверствах русских солдат, добивавших раненых. Известия о Синопской победе наполеоновские памфлетисты преподносили первоначально как следствие русского вероломства, а затем как избиение слабого, фактически беззащитного противника, каковым являлся турецкий флот.

Умонастроения европейцев иллюстрируют тюремные письма якобы А. Барбеса, приветствовавшего вступление Франции в войну против “северного деспота”. Наполеон III даже амнистировал радикала, что того крайне оскорбило.

Советские историки предпочитали обходить вопрос о массовом участии в войне против России в качестве добровольцев представителей европейских революционных организаций. Только Е. В. Тарле вскользь упоминает о том, что в Турции укрывались около 1100 венгерских участников восстания 1849 г. В их числе находились такие видные деятели революционного движения, как Бем, Дембинский, Замойский и Высоцкий. Там же скрывались и руководители польского восстания 1830–1831 гг. Вопреки грозным нотам Петербурга и Вены, Порта отказала в выдаче эмигрантов. Добровольцы к участию в войне против России кооптировались фактически со всей Европы. В боевых операциях союзников в Крыму широко использовались африканские колониальные силы. Известны даже случаи привлечения наёмников из стран Латинской Америки.

По масштабам потерь Крымская война находилась на уровне доиндустриальной эпохи в истории развития техники. В силу периферийной локализации театра боевых действий сравнительно невелики были жертвы среди мирного населения. Новым явлением в истории военного искусства стал позиционный характер войны, вследствие чего число солдат, умерших от болезней, превысило боевые потери – впервые. Даже не участвующая в боях отобюролизованная австрийская армия лишилась 35 тыс. человек (суммарно больше, чем, к примеру, воевавшие английские войска).

Историческое значение Крымской войны заключалось в разрушении европейской политической системы Священного Союза. Попытка построения международных отношений на началах христианской этики потерпела крах.

Одна из главных причин поражения в Крымской кампании определялась рассредоточенностью русских военных сил. Возможностей для обороны по всему периметру границ Российской империи не хватало.

Россия хоть и потерпела поражение, но при том не уронила чести великой державы. Война велась одновременно против четырёх государств, а успех союзников имел лишь локальный характер, ограниченный Крымским театром боевых действий.

На Парижском конгрессе поднимался вопрос о реставрации суверенной Польши. Усилиями российской дипломатии он был снят с повестки дня.

Оценивая последствия поражения в Крымской войне для внутренней жизни России, все исследователи сходились в том, что оно стало большим психологическим потрясением. Национальное оскорбление, нанесённое России в Крымской войне, привело к конструированию на уровне этнопсихологии образа врага, под которым подразумевались французы и англичане, а отчасти и изменники-австрийцы. Симпатии, испытываемые в 1860–1870-е гг. кадровым офицерством к Пруссии, были связаны с её противостоянием бонапартистской Франции. Победа немцев под Седаном вызвала чувство отчуждения в русском обществе. Мало известен факт о присутствии в войсках прусской армии во время войны 1870 г. добровольцев из России. В канун русско-турецкой войны в народе царило воодушевление в связи с предстоящим реваншем не только над турками, но и над англичанами. Планы же заключения нового союза с Веной не состоялись во многом из-за недоверия к «изменникам-австриякам».

Впрочем, как бы ни оценивать значение и масштаб поражения России в Крымской войне, следует признать: никогда уже впоследствии Российская империя и её вооружённые силы не достигали уровня того могущества, которым обладали они в николаевскую эпоху.